

О формировании позиции Горького в 1917-1919 годах

Эволюцию взглядов Горького в первые годы, последовавшие за событиями Октября 1917 года, которые все, в том числе и Горький называли Октябрьским переворотом, принято рассматривать как постепенный и небескорыстный отказ от той позиции, которую занимал Горький как руководитель газеты «Новая жизнь», которая «С первого же номера объявила своей программой борьбу против империалистической войны <...> объединение всех революционных и демократических сил для удержания социальных и политических завоеваний Февральской революции, развитие культуры, просвещения, науки...<...> После победы Октября оппозиционная «Новая жизнь» стала оппонентом новой власти, выступая с критикой «издержек» революции, ее «теневых сторон», форм и методов социальных преобразований в стране, одновременно она отстаивала гуманистические идеалы социализма, демократизацию общества, права и свободу личности»¹. Эта позиция Горького ярко отразилась в цикле статей «Несвоевременные мысли», опубликованных на страницах «Новой жизни», и ее целый ряд исследователей считает наивысшей точкой сближения Горького с демократией, своего рода звездным часом его политической карьеры, всю последующую писателя рассматривает как серию политических уступок большевикам. В переходе Горького на сторону большевиков, которых он клеймил в «Несвоевременных мыслях» исследователи усматривают небескорыстное желание примкнуть к победителям, к тем, на чьей стороне оказалась сила. Но в эволюции Горького была и собственная логика, что мы и попытаемся показать.

Позицию Горького после Февральской революции и в первый момент после прихода к власти большевиков в Октябре 1917 года И.И. Вайнберг охарактеризовал достаточно верно, ее доминантой следует назвать защиту демократии и культуры в широком смысле слова. Эта позиция. сам Горького полнее всего выразил в статье «Революция и культура», с которой он неоднократно выступал на разного рода митингах. «Революция только тогда плодотворна и способна обновить жизнь, -- писал здесь Горький, -- когда она сначала совершается духовно – в разуме людей, а потом уже физически – на улицах, на баррикадах. Революция только тогда разумное и великое дело, когда она является естественным и мощным взрывом накопленной творческой силы народа, когда она вносит в жизнь новые мысли, новые чувства. Если же революционный взрыв освобождает только те чувства и мысли, которые накопил народ, живя в рабстве и угнетении, если это только взрыв злобы, ненависти, мести – тогда перед нами не революция, а бунт, он не способен изменить нашу жизнь, а только увеличит жестокость и злобу»².

Октябрьская революция, по мысли Горького, освободила все дурное в человеке, который не был подготовлен к свободе, потому что самодержавие не развивало в нем разумные и добрые начала. «И вот теперь человек, обладая полной свободой, не умеет пользоваться великими благами её, он употребляет свободу во зло себе и ближнему, рискуя совсем потерять то, что выстрадал веками. Постепенно разрушаются все великие результаты труда его предков, исчезают национальные богатства и возможности увеличить сокровища земли»³.

«Революция только тогда может дать прекрасные плоды, если мы возьмемся настойчиво и упрямо за самовоспитание, если начнем широко развивать культурную работу. Революция без культуры – дикий бунт, лишенный смысла и пользы, бунт не поможет народу стать добрее, умнее, честнее, он только окончательно разрушит, изуродует человека»⁴.

¹ Вайнберг И. Горький, знакомый и незнакомый // Горький М. несвоевременные мысли. М., 1990. С. 6.

² Горький М. Революция и культура. Пг, 1918. С. 1.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

Руководимая Горьким газета «Новая жизнь», которая выходила с апреля 1917 по июль 1918 года, как отмечал И.И. Вайнберг, «...стала оппонентом новой власти, выступая с критикой «издержек» революции, её «теневых сторон» форм и методов осуществления социальных преобразований в стране...»⁵

Едва ли не самый сильный протест Горького вызвал разгон Учредительного собрания, о чем он писал в передовице «Новой жизни» 9 января: «Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания – политического органа, который дал бы все демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови – т вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи... Я спрашиваю «народных комиссаров», среди которых должны же быть порядочные и разумные люди: понимают ли они, что, надевая петлю на свои шеи, они неизбежно удавят всю русскую демократию, погубят все завоевания революции? Понимают ли они это? Или они думают так: или мы – власть, или пуская всё и все погибают?»⁶

Достаточно сравнить эту позицию Горького с ироническим упоминанием плаката об Учредительном собрании в поэме А. Блока «Двенадцать», чтобы понять, насколько Горький был в тот момент дальше от большевиков, чем А. Блок. Но большевики равнодушно встретившие поэму «Двенадцать» не торопились отталкивать Горького. В газете «Правда» была опубликована статья за подписью «Интеллигент из народа», где писателю протягивали руку для примирения: «Хочется верить, что Горький отвернулся от переживаемой нами социальной революции только потому, что не рассмотрел в первые смутные дни ее подлинного прекрасного лица, но что он уже начинает его видеть и скоро возрадуется и воспечалится вместе со всеми, кто живет радостями и печальми нашей Октябрьской революции»⁷

Автором статьи был историк и библиограф И.С. Книжник-Ветров, который до революции примыкал к самым разнообразным политическим и общественным течениям⁸. Горький, видимо, знал об его авторстве, потому что в своем ответе иронически обыграл явно спекулятивный псевдоним, но кроме того, сформулировал то, что в тот момент разводило его с большевиками: «Нет, почтенный товарищ, и «не возрадуюсь» с вами, да и не верю, чтобы и вы радовались. Чему радоваться? Тому ли, что истинно революционный, но количественно ничтожный российский пролетариат истребляется в междоусобной бойне на юге? Тому ли, что его начали расстреливать на улицах Петербурга? Социальная революция без пролетариата – нелепость, бессмысленная утопия... Пролетариат без демократии висит в воздухе, вы отталкиваете демократию от пролетариата. С кем будете вы творить социальную революцию – с крестьянством? С солдатом? Штыком и пулей?»⁹

Вера Горького в пролетариат как основную движущую силу революции сохранялась, но в его представлении союзником пролетариата должна была стать интеллигенция. В этом высказывании прозвучала еще одна важная горьковская мысль – скептицизм по отношению к крестьянству как к возможному союзнику пролетариата, позиция, идущая вразрез с позицией большевиков. И надо отметить, что горьковское отрицательное отношение к крестьянству в дальнейшем только усиливалось.

⁵ Вайнберг И. Горький, знакомый и незнакомый // Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 8.

⁶ Горький М. Несвоевременные мысли: 9 января – 5 января // Новая жизнь. 1918. 5 января.

⁷ Интеллигент из народа [Книжник И.] Социальная революция и М. Горький // Правда. 1918. 7 января.

⁸ Книжник-Ветров Иван Сергеевич (настоящие имя и фамилия Израиль Самойлович Бланк, 1878—1965). В начале 1900-х гг. примыкал к толстовцам, затем к анархистам, в 1910-х гг. пропагандировал христианский социализм и участвовал в работе петербургского Религиозно-философского общества. Автор книг «Анархизм, его теория и практика» (1906), «П. Л. Лавров, его жизнь и труды» (1925), «Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской Коммуны» (1964) и др.

⁹ Горький М. Интеллигенту из народа // Новая жизнь. 1918. 11 января.

Итак, по мысли Горького, союзником пролетариата должна была стать интеллигенция, которая должна была его просвещать. В январе 1918 года в издательстве «Парус» под редакцией Горького вышел «Сборник пролетарских писателей», а также его сборники «Русские сказки» и «Ералаш и другие рассказы», в этих произведениях критика увидела «новоявленный лик» Горького¹⁰ – лик защитника культуры и интеллигенции.

4 апреля Горький с возмущением писал на страницах «Новой Жизни» о заявлении Особого собрания моряков Красного флота, обещающих ответить «на смерть каждого моряка смертью сотен и тысяч богачей», подобные выступления не нравились большевикам, но они продолжали увещевать писателя. 5 апреля Г. Зиновьев заявил на заседании Петросовета: «С горестью можно констатировать, что Максим Горький, неоцененный талант, разучился дышать полной грудью с рабочим классом... Я публично бросаю вызов Горькому, пусть он устроит публичный диспут перед рабочими о культуре. Мы гарантируем ему свободу слова. С нашими классовыми врагами мы находим другое объяснение. Штык трижды свят на службе у рабочего... Я не сомневаюсь, что перед десятитысячной аудиторией его лекция превратится в обвинительный акт против него самого...»¹¹.

Но Горький не поддавался на увещевания. 7 апреля на общем собрании Союза деятелей искусств, проходившем под лозунгом «Все на защиту искусства!», Горького избирают во временный исполнительный комитет Литературной курии вместе с Л. Андреевым, Д. Мережковским и Ф. Сологубом, он входит в депутацию Союза для передачи протеста А. Луначарскому против «действий самочинной коллегии по делам искусств»¹². 19 апреля заседание коллегии происходило на квартире Горького, и на нем обсуждались действия правительства по сносу памятников «в честь царей и их слуг»¹³, монополизации классиков, роспуска Академии художеств и др. То есть писатель некоторое время участвовал во всех акциях оппозиционно настроенной по отношению к большевикам интеллигенции.

Но в момент, когда их единомыслие достигло, казалось бы, полноты, выясняется, что Горький уже вел переговоры с большевиками о сотрудничестве. В начале марта он писал Е.П. Пешковой: «Собираюсь работать с большевиками, на автономных началах. Надоела мне бессильная, академическая позиция «Новой жизни». Погибать, так там, где жара, в самой «глубине революции»¹⁴. В чем заключались эти «автономные начала» можно только догадываться, но позиция Горького становится все более «автономной» и в кругу единомышленников по обществу «Культура и свобода».

В рубрике «Несвоевременные мысли» 1 мая он высказал мысль, которая уже показалась его союзникам-интеллигентам еретической: «Русская интеллигенция снова должна взять на себя великий труд духовного врачевания народа <...> Задача демократической и пролетарской интеллигенции – объединение всех интеллектуальных сил страны на почве культурной работы». Д. Философов писал в отклике на эту статью, что «Горький искушает интеллигенцию, которая всегда была защитницей идеалов свободы и человеческого достоинства»¹⁵, то есть в лагере оппозиционной интеллигенции задача просвещения народа расценивалась как одну из форм сотрудничества с большевиками, которые и попирали идеалы «свободы и человеческого достоинства». Не встречала такая позиция Горького и в лагере большевиков. 25 июня на организованном обществом «Культура и свобода» Горький высказал по существу ту же самую мысль: «Мне кажется, что первым должным делом следует признать необходимость объединения

¹⁰ Евгеньев-Максимов В. Новоявленный лик М. Горького (По поводу его последних рассказов) // Трудовой единство. № 4.

¹¹ Об этом сообщала газета «Новая жизнь» 7 апреля.

¹² Новая жизнь. 18 апреля.

¹³ Имеется в виду Декрет Совнаркома «О памятниках республики», опубликованный в «Правде» 12 апреля.

¹⁴ Архив А.М. Горького. Т. IX. М., 1966. С. 207-208.

¹⁵ Философов Д. Скверный анекдот // Наш век. 3 мая.

интеллектуальных сил старой интеллигенции с силами молодой рабоче-крестьянской интеллигенции... концентрация сил – первейшая задача дня»¹⁶. Большевистский публицист А. Маширов-Самобытник в ответ писал, что Горький «уже давно поворачивает свой руль в сторону милюковской программы... в сторону “конституционной монархии с преобладающим влиянием интеллигенции”¹⁷. То есть позиция Горького не принималась ни тем, ни другим лагерем.

И постепенно в позиции Горького намечается двойственность. На страницах «Новой жизни» он продолжал критиковать большевиков. О принятом в мае 1918 года решении Комиссариата по делам печати о приостановлении ряда петроградских и московских газет и передачи некоторых из них в Революционный трибунал Горький писал в «Несвоевременных мыслях»: «Советская власть снова придушила несколько газет, враждебных ей. Бесполезно говорить, что такой прием борьбы с врагами – нечестен... при монархии порядочные люди единодушно считали закрытие газет делом подлым... Уничтожение неприятных органов гласности не может иметь практических последствий, желаемых властью, этим актом малодушия нельзя задержать роста настроений, враждебных гг комиссарам и революции... Гонимая идея, хотя бы и реакционная, приобретает новый оттенок благородства, возбуждает сочувствие... Дайте свободу слову, как можно больше свободы...»¹⁸. Отметим, что в новых условиях эти старые представления о гонимых и гонителях не действовали, потому что закрывая одну газету за другой большевики постепенно оказались монополистами на всем информационном пространстве.

Но вот когда большевики 16 июля закрыли «Новую жизнь», а она была закрыта одной из последних среди оппозиционных газет, Горький на это почти никак не отреагировал¹⁹. Потеряв газету, Горький полностью перестал высказывать какие-либо «несвоевременные мысли». Более того, в статье Л. Сосновского «Птичья ориентация (К вопросу об интеллигенции и советской власти), опубликованной в газете «Правда» 16 окт. 1918 г., приводились слова М. Горького «Ежели бы закрыли «Новую жизнь» на полгода раньше – и для меня, и для революции было бы лучше»²⁰

Перелом в отношении Горького к большевикам произошел в связи с покушением Ф. Каплан на Ленина, которое произошло 30 августа, всего через полтора месяца после закрытия «Новой жизни». Вместе с М.Ф. Андреевой писатель направил сочувственную телеграмму («Ужасно огорчены, беспокоимся, сердечно желаем скорейшего выздоровления, будьте бодры духом»), опубликованную в «Известиях» 3 сентября, а уже 4 сентября Горький подписал с Луначарским соглашение о создании издательства «Всемирная литература».

Поскольку такой договор не мог быть составлен в течение по существу одного дня, это проливает дополнительный свет на то, как совершалась эволюция Горького из оппозиции в ряды сторонников большевиков. Это соглашение объясняет и спокойную реакцию Горького на закрытие «Новой жизни», поменять свою на страницах газеты было для него сложнее, чем по независящим от него обстоятельствам прекратить выступать в роли оппозиционного публициста.

Издательство «Всемирная литература» создавалось при Наркомпросе, то есть под руководством тех самых комиссаров, против вмешательства которых в дела искусства Горький еще недавно протестовал вместе с единомышленниками из общества «Культура и свобода». Программа издательства, его цели и задачи достаточно хорошо известны, здесь бы хотелось обратить внимание, что подписывая этот договор, Горький не только покидал ряды оппозиционной интеллигенции, но и становился ее покровителем, потому что в

¹⁶ Новая жизнь. 30 июня и 3 июля.

¹⁷ А.М. [Маширов-Самобытник А.] М. Горький и политика // Грядущее. № 4.

¹⁸ Новая жизнь. 14 мая.

¹⁹ Летопись жизни и творчества Горького. Т. 3. С. 110

²⁰ Цит. по: Литературная жизнь России. Т. 1. Ч.1. С. 276.

последующие годы именно горьковские «проекты» стали единственным источником дохода и пропитания для бывших союзников. Горький был избран новой властью в качестве гаранта существования издательства «Всемирная литература», власти поддерживали все последующие просветительские начинания Горького, которые очень скоро стали едва ли не единственными источниками заработка для дореволюционной интеллигенции.

Но одновременно с организацией издательства «Всемирная литература», Горький выдвигал проект издания при Наркомпросе «двухнедельного информационного органа», цель которого – ознакомление с «результатами строительной и культурной работы Советов, которая ... разворачивается все более могуче и планомерно». В беседе с Луначарским, как сказано в газете «Известия», Горький тогда же заявил, что террористические акты против вождей Советской республики побуждают его окончательно вступить на путь тесного с ними сотрудничества»²¹. Получается, что на протяжении полутора месяцев Горький успел из оппозиционера превратиться в сторонника культурной политики новой власти.

Создавая издательство «Всемирная литература» Горький сделал первый решительный шаг навстречу большевикам, но на первых порах оттенок оппозиционности он сохранял. Следует отметить, что Горький не бросил тогда интеллигенцию, исключительную роль которой он еще так горячо защищал в обществе «Культура и свобода», он стал ее спасителем, принял роль посредника между правительством и интеллигенцией. В итоге его позиция оказалась двойственной, что наглядно отражают высказывания Горького о большевиках, сохранившиеся в дневнике Чуковского. Например, 2 апреля 1919 года Чуковский записал о Горьком: «О большевиках он всегда говорит: *они!* Ни разу не сказал мы. Всегда говорит о них, как о врагах»²².

Итак, уйдя из лагеря оппозиции, Горький поначалу принял на себя роль спасителя интеллигенции. Заглядывая вперед скажем, что в ходе исполнения этой миссии произошло окончательное разочарование Горького в ней, но эта тема заслуживает особого разговора. Позиция Горького после Октября находилась в состоянии непрерывной эволюции, в ходе которой если внимательно вдуматься в логику этой эволюции, она окажется гораздо менее противоречивой, чем принято считать. А главное, эта эволюция обладала собственной логикой, и рассматривать ее исключительно как попытку приспособиться к новой власти было бы совершенно неверно.

²¹ Без подписи. Максим Горький и комиссариат просвещения// Известия. 10 сентября.

²² Чуковский К.И. Дневник. 1901-1921. // Чуковский К. Собр. соч. В 15-ти томах. М., 2006. Т. 11. С. 247.